

УДК: 159.923:316.6

Аликин И.А.¹, Лукьянченко Н.В.², Новикова Е.А.³

¹Красноярский государственный педагогический университет

²Сибирский государственный технологический университет

³Дом ребенка Федерального бюджетного учреждения исправительная колония-22
(Кемеровская область)

СЕМЕЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЗАКЛЮЧЁННЫХ ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ МАЛЫША В ДОМЕ РЕБЁНКА ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: ОБЩЕЕ И ТИПИЧЕСКОЕ

I. Alikin¹, N. Lukjanchenko², E. Novikova³

¹*Krasnoyarsk State Pedagogical University*

²*The Siberian State Technological University*

³*Children's home of Federal Budgetary Correctional Facility "Penal Colony-22",
Kemerovo region*

FAMILY IDENTITY OF IMPRISONED WOMEN, HAVING A KID IN CHILDREN'S HOME OF THE CORRECTIONAL FACILITY: GENERALITIES AND TYPICAL CHARACTERISTICS

Аннотация. В статье представлены результаты исследования семейной идентичности заключённых женщин, ставших матерями в период отбывания наказания. Семейная идентичность рассматривается в структурном, эмоционально-оценочном и когнитивном аспектах. Описываются её особенности у заключённых женщин: расширение идентифицируемого состава семьи; нарушение поколенной последовательности, противопоставление мужского и женского состава семьи; связь эмоциональной привязанности к семье с её неблагополучием и значимостью женского состава; выраженность деструктивных аспектов родительского отношения; оценка семьи и себя как члена семьи в амбивалентных характеристиках соответствия социальной нормособразности. Выделены качественно специфические, с точки зрения особенностей семейной идентичности, группы заключённых женщин. Показано, что для каждой группы женщин характерны семейные объекты, относительно которых выражено эмоциональное неприятие.

Ключевые слова: заключённые женщины, ресоциализация, родительское отношение, семейная идентичность, структурный, эмоционально-оценочный и когнитивный аспекты семейной идентичности.

Abstract. The article presents the research results of family identity of the imprisoned women who have had a baby during the term of serving their punishment. The article considers the concept of family identity in structural, attitudinal and cognitive aspects. Special attention is given to the peculiarities of family identity the imprisoned women have: broadening of the identified structure of a family; infringement of generation sequences, opposition of male and female structure of a family; connection of emotional attachment to a family with its ill-being and the importance of female structure; evidence of the destructive aspects of parental attitude; an estimation of a family and themselves as members of a family in ambivalent characteristics of being in line with social norms and standards. The authors single out qualitatively specific groups of the imprisoned women taking into consideration the special features of family identity. It is shown that for each group of women there are certain family objects to whom they express emotional non-acceptance.

Key words: the imprisoned women; resocialization; parental attitude; family identity; structural, attitudinal and cognitive aspects of family identity.

Социальная психология в своём прикладном аспекте призвана определять механизмы решения проблемных вопросов, встающих перед обществом и личностью. При этом про-

© Аликин И.А., Лукьянченко Н.В., Новикова Е.А., 2012.

Работа выполнена при поддержке гранта: подпроект № 06-1/12 в рамках проекта № 06/12 Гуманитарная технологическая платформа «Исследования проблем развития человека» (Инновационный человек).

странство изысканий прикладной направленности включает сферы межпредметных исследований в зонах, граничащих со смежными отраслями психологии. К таким зонам относится разработка психологических оснований действенных механизмов ресоциализации в рамках стратегического направления оптимизации деятельности российской пенитенциарной системы. Стержневой характеристикой таких механизмов является формирование в субъективном пространстве индивида структур, позволяющих ему встроиться в жизнь социума после освобождения, своего рода «связующих мостиков», преодолевающих разрыв кардинально различных способов существования. Оптимальным в данном контексте является задействование естественных, заложенных в социально-психологической природе человека механизмов. При этом необходимо учитывать социально-психологические особенности, связанные с полом заключённого. Так, для женщин характерна высокая, можно сказать, опорная значимость семейных отношений и при этом субъективная неустойчивость, подверженность средовым влияниям психологических структур, эти отношения обеспечивающих [1; 2]. Особенно актуальна проблема психологического обеспечения ресоциализации для служб, которые работают с женщинами, ставшими матерями во время отбывания наказания. По состоянию на 1 января 2010 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 69,1 тыс. женщин. При одиннадцати из сорока семи исправительных колоний, предназначенных для отбывания наказания женщин, имелись Дома ребенка, в которых проживало 846 детей [6].

Перспективным направлением психологической работы в контексте формирования основ ресоциализации заключённых женщин с детьми представляется формирование продуктивной семейной идентичности. Это позволит активизировать естественные механизмы личностной устойчивости и обеспечения социальной базы репродуктивной самореализации. Семейная идентичность понимается (в определении Н.В. Лукьянчен-

ко) как субъективный образ принадлежности к семейной группе, отражающий характеристики группы и своего функционирования в ней в структурном, эмоционально-оценочном и когнитивном аспектах [3]. Это особая форма личностно-групповой идентичности, которая обеспечивает механизмы регуляции позиционирования и самопроявления индивида в качестве члена семьи и одновременно может рассматриваться как важнейшая составляющая психологического основания жизнедеятельности человека в социуме.

Разработка новых технологий предполагает изучение актуального состояния и специфики феномена, планируемого в качестве объекта, формирующего и корректирующего воздействия. В соответствии с этим мы провели исследование семейной идентичности у целевого контингента – заключённых женщин, ставших матерями в период отбывания наказания.

В исследовании приняли участие 40 респонденток, имеющих малыша в Доме ребёнка исправительного учреждения. Методическое обеспечение исследования составили:

1) структурный аспект: проективная рисуночная методика «Семейная социограмма» в описании Э.Г. Эйдемиллера и И.М. Никольской [8] – для выявления особенностей субъективных образов семьи в реальном и идеальном вариантах; шкала семейной адаптации и сплочённости (FACES-3) [8] – для выявления представления респонденток о реальном и идеальном уровнях сплочённости и адаптивности семейных отношений;

2) эмоционально-оценочный аспект: «Цветовой тест отношений» (А.М. Эткинд) [5] – для выявления уровня эмоциональной значимости семейных объектов, а также эмоциональной семантики отношения к этим объектам, «Опросник родительского отношения» (А.Я. Варга и В.В. Столин) [5] – для выявления выраженности в родительском отношении респонденток к собственным детям показателей пяти шкал: «Принятие-отвержение», «Кооперация», «Симбиоз», «Авторитарная гиперсоциализация», «Маленький неудачник»;

3) когнитивный аспект: «Репертуарные решетки» Дж. Келли [7] – для выявления содержания смысловых категорий, используемых респондентами при характеристике семьи и себя как члена семьи.

Выявлены следующие особенности семейной идентичности, характерные для женщин, находящихся в заключении. Расширение идентифицируемого состава семьи как по вертикали (несколько поколений), так и по горизонтали (включение множества сиблинговых связей). Нарушение поколенной последовательности за счёт нивелирования значимости себя как представителя семейного поколения в последовательном процессе семейного воспроизводства.

Пространство эмоциональной значимости членов семьи для респонденток разделено по гендерному признаку (мужчины – женщины), а не по признаку «моя семейная линия – линия супруга», характерному для нормативных женских выборов. Роль связующего звена собственной семейной линии и линии супруга для женщин играет не супруг, а его мать.

«Женское пространство» характеризуется эмоциональной активностью, насыщенностью, своего рода «интересностью» (в смысле эмоциональной интриги), имеет опорную значимость (семья для меня имеет значение, поскольку в ней есть женщины) и в эмоциональном плане играет компенсаторную роль, т. е. пытается любовью и эмоциональными связями уравновесить недостаток активной субъектности.

Мужской состав семьи ассоциируется с большей независимостью и эмоциональной пассивностью. При этом чем более позитивно относится женщина к мужской составляющей семьи, тем более продуктивно её отношение к собственному ребёнку и более выражена ориентация на личную самореализацию.

Родительское отношение характеризуется высокой выраженностью показателей инфантилизации, симбиотичности и авторитарной гиперсоциализации. Отношение к детям разного пола различается. Эмоцио-

нальная значимость дочери характеризуется позитивным акцентом встроенности в перспективную линию надежды на позитивное будущее, в то время как отношение к сыну связано с неопределённостью и неуверенностью.

Эмоциональная значимость семьи определяется отнюдь не её положительными характеристиками. Находящиеся в заключении женщины «душой радеют» за семьи не вполне благополучные. Такие семьи требуют большей эмоциональной включённости и, в определённой мере, – принесения ребёнка в жертву семейного неблагополучия.

Семья воспринимается как позитивная с точки зрения морально-нравственных характеристик, и при этом неудачливая, социально жертвенная. Восприятие себя как члена семьи характеризуется, с одной стороны, позитивностью эмоциональной составляющей, с другой – амбивалентностью, полярностью позиции в дихотомии независимость – зависимость; приписыванием себе негативных, с точки зрения социальных стереотипов, характеристик, снятием ответственности за собственных детей [4].

Кластерный анализ позволил объединить респонденток в четыре качественно специфичные группы. Характеристики семейной идентичности определивших групп рассмотрены с применением количественного и качественного анализа. К количественным методам в первую очередь относится выявление достоверных различий с помощью U-критерия Мана-Уитни. Достоверные различия по показателям «Цветового теста отношений», «Шкалы адаптации и сплочённости» и «Опросника родительского отношения» представлены в табл. 1, средние значения показателей перечисленных методик – в табл. 2.

Далее представлен анализ каждого их типов в отдельности.

1 тип

Данный тип составляет 40% обследованной выборки. Если опираться на данные табл. 1 и 2, то можно выделить такие специфические особенности этой группы:

Таблица 1

Направление и достоверность различий между типологическими группами по показателям ЦТО, ОРО и FACES-3 (Шкала сплочённости и адаптации)

метод	Параметры	Группы сравнения					
		1-2	1-3	1-4	2-3	2-4	3-4
Цветовой тест отношений (ранги)	Я					> 95%	> 90%
	супруг			< 95%		< 95%	< 95%
	моя семья		< 90%	> 99%		> 99%	> 99%
	сын						
	дочь	< 90%		> 95%		> 99%	> 90%
	мой отец		< 95%		< 99%		
	моя мать	> 99%	> 95%	> 99%	< 95%		
	отец супруга		< 90%		< 99%		
	мать супруга	> 95%	> 95%	> 95%			
	прошлое		> 90%		> 90%		< 90%
	настоящее						
	будущее						
	свобода	> 90%		> 90%	< 90%		> 90%
	счастье	< 95%	< 95%			> 90%	> 90%
	общение			> 95%		> 95%	> 95%
	успех		> 95%	> 95%			
	любовь			> 95%	> 90%	> 95%	> 90%
	карьера		< 95%	< 90%	< 90%	< 90%	
	творчество		< 95%	< 90%	< 95%	< 95%	< 90%
ОРО	эмоциональное отвержение				> 95%		
	кооперация				> 90%		
	симбиоз		> 90%		> 90%		
	авторитарная гиперсоциализация		> 99,9%	> 90%	> 99%	> 90%	
	маленький неудачник						
FACES-3	сплочённость реальная						
	сплочённость идеальная						
	адаптация реальная		< 90%				
	адаптация идеальная	< 95%	< 90%	< 99%		< 99%	< 99%

1) самая высокая в сравнении с другими группами значимость собственной матери и матери супруга, выше даже, чем собственная значимость (примечание: в методике ЦТО более высокой значимости соответствуют меньшие цифровые значения рангов);

2) наименьшее значение идеального уровня адаптации (гибкости) семейных отношений;

3) на высоком уровне выражены все деструктивные составляющие родительского отношения (эмоциональное отвержение, симбиоз, авторитарная гиперсоциализация,

«маленький неудачник»), показатель авторитарной гиперсоциализации – самый выраженный в сравнении со всеми группами;

4) все «мужские фигуры» семьи имеют низкую значимость.

Обобщённый «портрет» семейной идентичности этой группы заключённых женщин следующий.

Структурный аспект семейной идентичности. Образ семьи представлен тремя поколениями – родители, «Я» и другие члены этого поколения: братья, сестры родные и двоюродные, а также дети и племянники.

Таблица 2

Средние значения показателей ЦТО, ОРО и FASES-3 в группах сравнения

группы	Цветовой тест отношений (ранги)									Опросник родительского отношения (баллы)					Шкала адаптации и сплочённости (баллы)			
	я	супруг	моя семья	сын	дочь	мой отец	моя мать	отец супруга	мать супруга	приятие – отвержение	кооперация	симбиоз	авторитарная гиперсоциализация	маленький неудачник	сплочённость реальная	сплочённость идеальная	адаптация реальная	адаптация идеальная
1	3	5	2	4	3	5	2	5	2	48	38	90	86	77	29	31	22	22
2	2	4	2	3	2	6	5	7	4	58	44	90	75	75	29	31	23	25
3	2	5	2	3	4	4	3	4	3	34	39	79	59	71	29	31	24	24
4	3	2	5	4	2	5	5	5	4	41	33	80	68	66	30	31	23	32

В структуру семьи, как правило, включают отца, братьев и сыновей, супруга не включают, либо ставят на отдалённых от себя и низкостатусных позициях. Три четверти (75%) представительниц этого типа включают образ «Я» в структуру семьи реальной (социограмма) и 65% – в структуру семьи идеальной, в подчинённой позиции по отношению либо к родителям, либо к мужчинам старшего и среднего поколений – брату, отцу, которые, согласно характеру социограммы, являются в их понимании доминирующими семейными фигурами. Подавляющее большинство (82%) включают детей в структуру семьи в реальности и в идеале, но с более низкой значимостью, чем других членов семьи.

Уровень гибкости семейных отношений респонденток удовлетворяет, и их притяжения в этом аспекте – самые скромные в сравнении с другими группами. Желаемый уровень близости отношений выше, чем реальный (методики FACES-3 и «Семейная социограмма»), причём для значительной

части представительниц этой группы (более 60%), по рисуночным данным, желательны отношения столь близкие, что их можно характеризовать как эмоциональное слияние.

Эмоционально-оценочный аспект. Эмоциональная значимость членов семьи характеризуется следующими особенностями. Женские родительские фигуры (своя мать и мать супруга) относятся к зоне значимости «желаемое» (1-я и 2-я позиции в цветовом тесте). К этой же зоне значимости отнесена семья. «Я» и дети в восприятии женщин этой группы относятся к зоне актуального (3-я и 4-я позиции в цветовом тесте). Члены семьи мужского пола старшего и среднего поколений относятся к зоне незначимого, эмоционального индифферентного (5-я и 6-я позиции в цветовом тесте).

Среди показателей шкал родительского отношения очень высокие значения имеют показатели «авторитарной гиперсоциализации» и «симбиотичности».

Когнитивный аспект семейной идентичности. Характеристика семьи включает сле-

дующие группы конструкторов: 1) структурные характеристики (наличие судимых членов семьи, полнота состава: наличие родителей, сиблингов, детей), 2) сплочённость (понимаемая как единомыслие), 3) житейские характеристики: материальная обеспеченность и «семейная скромность», непретенциозность семьи, которая рассматривается как положительная характеристика.

Группы конструкторов, используемые для характеристики себя как члена семьи: 1) семейно-структурные: принадлежность к семье («своя») и половая принадлежность как в смыслах биологических, так и социальных (отношение к мужчинам); 2) социально-адаптивные характеристики взаимодействия (доброта, мягкость и т. п.); 3) характеристики противопоставления себя супругу (где супруг выглядит как слабая сторона); 4) характеристики противопоставления себя идеальным образам сына и дочери (подчёркивающие собственную несостоятельность).

Таким образом, семья отчётливо разделена в восприятии респонденток данной группы на мужскую и женскую составляющую. Эмоциональная привязанность и надежда на поддержку связана с женщинами старшего поколения. Мужчины старшего поколения являются доминантными семейными фигурами, не вызывая при этом у подчинённых им в семейной иерархии женщин позитивных чувств. Супруг практически отвергается. Образ семьи лишён характеристик продуктивного функционирования. Желательными для респонденток являются семейные отношения, характеризующиеся эмоциональной близостью и жёсткой структурированностью. Эта потребность реализуется в отношении к ребёнку, который воспринимается как эмоционально очень близкий, но требующий выраженных социализирующих родительских стратегий. Себя в качестве члена семьи воспринимают как послушно-адаптивных и не способных включиться в качестве активного члена, продолжателя семейной линии. При определённом обобщении можно сказать, что данная

группа респонденток воплощает основные тенденции выборки в целом.

Согласно регистрационным данным и данным наблюдения, представительницы этой группы, как правило, находятся в местах лишения свободы не первый раз, возможно, в нескольких поколениях, и хорошо адаптированы к условиям содержания в колонии. Они не ставят перед собой определённых жизненных целей, живут процессом.

2-й тип

Эта группа женщин составляет 25% выборки.

Данные, представленные в табл. 1 и 2, свидетельствуют, что в данной группе в сравнении с другими респондентками:

- 1) низкая эмоциональная значимость родителей;
- 2) более выраженное эмоциональное неприятие ребёнка.

Структурный аспект семейной идентичности. Структура семьи расширенная, трёхпоколенная. В образе реальной семьи «Я» занимает менее значимое место, чем в образе семьи желаемой, идеальной. В идеальном варианте респондентки хотели бы иметь срединное положение в семейной иерархии между родителями и сиблингами («сверху») и детьми и мужем («снизу»). Значимость семьи и её членов в целом высокая. Межличностные отношения чаще всего несколько дистанцированы. Более весомую значимость в семье имеют, как правило, мать и отец респондентки, менее значимы – дети и муж. Сиблинги могут занимать любое положение. Характерна осознанная неудовлетворённость уровнем сплочённости семьи (желателен более высокий уровень) и уровнем структурированности отношений.

Эмоционально-оценочный аспект семейной идентичности. «Я», «моя семья», «дочь» определились в зоне «желаемого», т. е. получили очень высокие оценки эмоциональной значимости. В зоне актуального «сын», «супруг», «мать супруга». В зоне индифферентности оказались собственные родители. А отец супруга – отвергаемая фигура.

В родительском отношении к ребёнку наиболее выраженная характеристика – сим-

биотичность. Пол ребенка мало влияет на отношение к нему.

Когнитивный аспект семейной идентичности. Конструкты, используемые для оценки семьи: 1) наиболее часто встречаемые – структурные (с точки зрения полноты состава, своего рода комплектность семьи); 2) сплочённость как характеристика семейного единства; 3) характеристика взаимоотношений со стороны эмоциональной насыщенности.

Характеристики-конструкты, используемые при оценке себя как члена семьи: 1) ролевые, как качество соответствия требованиям семейного положения; 2) морально-оценочные характеристики, такие, как порядочность, скромность и т. п.; 3) характеристики принадлежности к семье и подгруппам в ней; 4) характеристики контакта с точки зрения его «лёгкости».

Как видим, данная группа респондентов характеризуется субъективным присоединением к семейной структуре. Причём значение имеет именно семья как таковая. Ей придаётся большая значимость, чем отдельным членам семьи. «Отец супруга» даже относится к зоне отвержения, а по отношению к собственному ребёнку, наряду с очень выраженной симбиотичностью, одновременно присутствует значительная степень эмоционального неприятия. Собственная эмоциональная значимость высокая, характеризуют себя как положительного с точки зрения вклада во взаимодействие члена семьи. В актуальной ситуации собственная роль в качестве члена семьи оценивается как незначительная, но при этом с надеждой на более достойную роль в будущем. В желаемом варианте семейных отношений более выражены сплочённость и гибкость, чем в реальном.

Обращает на себя внимание то, что члены семьи, занимающие, по мнению респондентов, более высокие в иерархии отношений места (родители), не принимаются на эмоциональном уровне. Похожий феномен отмечен выше у первой группы, где доминантные фигуры мужчин одновременно эмоционально непривлекательны.

3-й тип

Данная группа, как и предыдущая, составляет четвертую часть выборки.

Из табл. сравнения 1 и 2 можно определить следующие особенности, выделяющие эту группу среди других:

1) относительная высокая эмоциональная значимость родителей;

2) самая низкая эмоциональная значимость супруга;

3) в родительском отношении менее, чем в других группах, выражены деструктивные аспекты.

Структурные характеристики семейной идентичности. Структура семьи, как правило, расширенная, трёхпоколенная и даже четырёхпоколенная. В образ реальной семьи включают сиблингов и прародителей своих родителей. Себя могут не включить в семью, либо включить в идеальном варианте. Если включают, то в значимой позиции. В структуре реальной семьи супруг чаще всего не включён, в идеальном варианте включается либо в позиции, равной по статусу позиции респондентки, либо в подчинённой. Наибольшую значимость приписывают детям обоих полов – тем, которые находятся в данный момент с родными. Социальная значимость семьи в целом и её членов низкая. Межличностные отношения воспринимаются как дистанцированные, либо даже разобщённые. Уровень гибкости семейных отношений в целом устраивает. Сплочённость в желаемом варианте несколько выше реального уровня.

Эмоционально-оценочный аспект. «Я» и «моя семья» находятся в зоне желаемого. В зоне актуально значимого: «сын», «дочь», «родители», как свои, так и супруга. Эмоционально индифферентным является образ супруга.

Эта группа женщин имеет самую благоприятную картину родительского отношения по сравнению с остальными группами.

Когнитивный аспект семейной идентичности. Конструкты, используемые при характеристике семьи: 1) структурные характеристики (с точки зрения полноты состава, лидерства мужчин); 2) общеоценочные (отсутствие алкоголизации); 3) сплочённость,

понимаемая как совместность, слаженность действий и эмоциональная близость; 4) характеристики качества отношений с точки зрения социальной желательности (дружелюбность, заботливость).

Конструкты, используемые при оценке себя как члена семьи:

1) характеристики динамики включённости в хитросплетения отношений, где спокойствие и простота противопоставляются активному целеустремлённому получению желаемого;

2) характеристики выраженности личностного начала как способности иметь свою линию в жизни и позицию в отношениях.

В целом, описывая данный тип находящихся в заключении женщин, можно сказать, что семья, имея высокую значимость, характеризуется при этом как недостаточно качественная группа. Себя респондентки из этой группы воспринимают как положительного члена семьи, позволяющего себе вместе с тем быть относительно свободным. Разочарованы в супружестве. Супруг имеет контрастно низкую относительно других членов семьи значимость. По наблюдениям и данным бесед, полагаются на помощь родственников. Как правило, ответственные матери.

4-й тип

Эта группа составляет десятую часть выборки.

Табл. сравнения 1 и 2 позволяют определить следующие специфические особенности данной группы респонденток:

1) низкая эмоциональная значимость семьи (даже контрастно низкая по сравнению с другими группами);

2) высокая (и здесь также контрастно высокая в сравнении с другими группами) значимость супруга;

3) высокие показатели идеального уровня гибкости семейных отношений, также ярко отличающие эту группу от других. Соответственно, разница между желаемой и реальной гибкостью очень велика.

Общий портрет семейной идентичности данной группы заключённых женщин выглядит следующим образом.

Структурные характеристики семейной идентичности. Особенностью состава семьи у этой группы респонденток является то, что в него не включены собственные родители ни в реальном, ни в идеальном варианте. Но часто присутствуют бабушки. Вторая особенность – это то, что в идеальном образе семьи по сравнению с реальным изменяется место самой респондентки: она включается в состав семьи, если не была включена в реальном образе, увеличивается её значимость и вместе с тем происходит своего рода эмансипация, отдаление от других членов семьи, но «в пользу» ребёнка, вместе с ребёнком.

Сплочённость семьи характеризуют как средненизкую, и это устраивает, так как в идеале они хотели бы видеть аналогичный вариант. Иное дело – показатель гибкости. Свою семью они воспринимают как ригидную, мало способную к каким бы то ни было изменениям, в то время как в идеале хотели бы видеть высокий уровень адаптивности, гибкости семейных отношений.

Эмоционально-оценочный аспект. В зоне желаемого оказался супруг, в зоне актуально значимого – «Я» и «сын», в зоне индифферентного отношения оказались «моя семья», «родители» свои и супруга.

В показателях родительского отношения так же, как и у всех других респонденток, выражены симбиоз, авторитарная гиперсоциализация и инфантилизация. Вместе с тем эти показатели значительно ниже, чем у представительниц первой и второй групп. В этой группе также самый низкий показатель эмоционального отвержения ребёнка. Можно говорить, что женщины этой группы наименее деструктивны в своём отношении к ребёнку.

Когнитивный аспект семейной идентичности. Характеристики семьи: 1) структурные (с точки зрения полноты состава); 2) социальная амотивированность (простые, спокойные, нет цели, обычные, романтики в противовес характеристикам «умные», «строгие», «неудержимые», «требовательные»); 3) сплочённость, понимаемая как единомыслие и взаимопомощь (не обязательно

как положительные характеристики); 4) характеристики безысходной роковой некачественности семьи (тяжёлая судьба, неудачливые, делают ошибки).

Характеристика «Я» практически полностью построена на выделении личностных свойств как формально-динамического, так и содержательного планов. Выражены характеристики социальной астеничности (простота, спокойствие в противовес строгости, серьёзности) и вместе с тем характеристики общежизненного тона (работоспособность, выносливость, жизнерадостность, негибкость, целенаправленность и т. п.); общеценочные категории (обычность, посредственность в противовес «лучшести»), право на неправильность (делает ошибки, безрассудна, эгоистичная, свободная). Другим персонажам часто противопоставляются именно по признакам «неправильности» и своего рода личного права на такое существование.

Эту группу респонденток характеризует выраженное субъектное отношение к своей жизни, принятие мужской части нуклеарной семьи вплоть до идентификации при нейтрально-равнодушном отношении к представителям старшего поколения семьи. Родительское отношение в этой группе можно характеризовать в целом как более продуктивное, чем у остальных представительниц выборки, а идентификацию с семьёй – как слабую, с выраженным стремлением ограничить её значение. Взаимоотношения в семье воспринимают как ригидные, негибкие, следствием чего является неудовлетворенность. Семья воспринимается как ограничитель свободы. Выраженно личностное начало, скорее бунтарского характера, которое сочетается с недостаточно высокой эмоциональной значимостью собственного «Я».

Если попытаться выявить ключевые особенности описанных характеристик семейной идентичности представительниц выделенных групп, то, пожалуй, самой важной оказывается следующая тенденция. Для каждой из групп есть определённая категория семейных объектов, которая имеет низкую эмоциональную значимость, не принимается

на эмоциональном уровне. Для первой группы – это мужской состав семьи, для второй – родительский состав, для третьей – супруг. Четвёртая группа респонденток имеет самый богатый «репертуар неприязненности». Сюда входят собственно семья, её родительский состав, и в некоторой степени сама респондентка. Обращает на себя внимание тот факт, что в значительном числе случаев именно те семейные объекты, которые не принимаются на эмоциональном уровне в структуре семейных отношений, по мнению женщин, занимают иерархически высокие позиции в системе семейных отношений.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке общих и индивидуализированных программ ресоциализации отбывающих наказание женщин, родивших ребёнка в период лишения свободы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Альперн Л. Изгнание из «приватного» в «публичное»: тюремный эксперимент по созданию женщины нового образца // Развитие личности. – М., 2004. – С. 186-194.
2. Волкова Т.Н. Проблемы отбывания наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы: дис. ...канд. юр. наук. – М., 2002. – 152 с.
3. Лукьянченко Н.В. Социально-психологическая сущность семейной идентичности // Мир человека: Научно-информационное издание, выпуск 1(34). – Красноярск, 2009. – С.113-117.
4. Лукьянченко Н.В., Новикова Е.Н. Исследование семейной идентичности женщин, находящихся в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. – Рязань, 2011. – № 3. – С. 78-85.
5. Практикум по психодиагностике. Конкретные психодиагностические материалы. – М., 1989. – 141 с.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р «Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2011/03/08/penitenciariya-site-dok.html> (дата обращения: 20.09.12).
7. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. – М., 1987. – 236 с.
8. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. – СПб., 2003. – 336 с.